

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава IV¹⁾.

Когда я поднялась наверхъ и вошла въ гаремъ, то увидѣла въ пріемной губернаторши нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ на коврѣ съ папиросами въ зубахъ вокругъ пылавшаго мангала. Одна изъ нихъ полулежала на подушкахъ, и лицо ея было скрыто подъ яшмакомъ.

Элиме хмуро обмѣнялась со мной селямомъ и пригласила слѣдовать за ней въ другую комнату.

— Объясните, пожалуйста,—ворчливо начала она,—почему вы перестали посѣщать насъ? Видно, совѣсть не чиста! Но мы все равно знаемъ о вашихъ похожденияхъ съ этимъ шарлатаномъ изъ Смирны...

— Клянусь вамъ, Элиме,—съ живостью возразила я,—ничего подобнаго нѣтъ! то была лишь мимолетная шутка—только и всего!..

— Ну, положимъ, вѣрить вамъ не приходится: вы также клялись, что мы живемъ надъ огнемъ и что земля круглая—просто у васъ закружилась голова отъ чтенія безбожныхъ календарей...

— Ахъ, оставьте календари въ покоѣ,—вспылила я,—дайте лучше совѣтъ, какъ поправить дѣло?

— Да это совсѣмъ не такъ легко, какъ вамъ кажется,—послѣдовалъ высокомерный отвѣтъ,—Тафти-бей и знать васъ не хочетъ за то, что вы позволяете себѣ разговаривать съ другими мужчи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1911.

нами да еще на улицѣ! А между тѣмъ, по уставамъ Корана, намъ запрещено прогуливаться не только съ посторонними, но даже съ мужемъ или братомъ...

— Вы забываете, что я не мусульманка, а слѣдовательно и не могу поступать иначе... Но меня перебили:

— Нѣтъ, ужъ извините! — разъ вы любите магометанина, то и обязаны исполнять его волю и угождать ему во всемъ.

Мнѣ не хотѣлось раздражать ее, и я смиренно промолчала. Тогда она вновь заговорила въ наставительномъ тонѣ:

— Вотъ что значитъ не посовѣтоваться со мной, а дѣлать все по-своему: пожалѣете, да поздно будетъ!

— Неужели вы звали меня только за тѣмъ, чтобы читать нравоученія?—вспыхнула я отъ досады и разочарованія,—въ такомъ случаѣ, прощайте—мнѣ пора домой.

— Пойдите, пойдите! Куда же вы?—skonфузилась турчанка, насильно усаживая меня въ кресло,—я все вамъ объясню, пожалуйста, не уходите—вы еще ничего не знаете... Митрополитъ собирается писать доносъ, что якобы мы совращаемъ васъ въ магометанство—могутъ выйти большія неприятности для нашего паши, хотя онъ всей душой сочувствуетъ вамъ обоимъ; но благодаря интригамъ греческаго духовенства будетъ очень трудно уладить ваше дѣло,—надо подождать до болѣе благопріятнаго времени... говорила она торопливо и страшно волнуясь.

— Ну, и пусть себѣ пишутъ, что угодно,—отнеслась я съ полной безпечностью къ столь удивительной новости,—все это сплетни, и не стоитъ обращать на нихъ вниманія. Элиме, дорогая моя, будьте откровенны и не смущайте меня: скажите, что собственно послужило предлогомъ для вашего письма, и главное, знаетъ ли Тафти-бей о томъ, что вы мнѣ писали?

— Да, конечно,—еле слышно отвѣтила она, и странная усмѣшка скользнула по ея губамъ.

Я вздрогнула отъ охватившаго меня восторга и готова уже была броситься къ ней на шею; но въ-время одумалась и сдержала себя.

Вошла Ашима нарядная и свѣжая, какъ роза.

— Ханумъ,—обратилась къ ней Элиме,—ученая франка весьма сожалѣетъ, что разсердила нашего бей, и хочетъ просить у него прощенія,—перевела она по-своему мои слова,—научи ее, сдѣлай милость, какъ, вообще, полагается жѣнщинѣ говорить съ мужчиной?

Но, кажется, роль наставницы не улыбнулась застѣнчивой губернаторшѣ: она вспыхнула до ушей и что-то сказала по-арабски своей падчерицѣ, а затѣмъ обѣ вышли, оставивъ меня одну въ неизвѣстности.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ вернулась Элиме и, пытливо заглянувъ мнѣ въ глаза, нерѣшительно спросила:

— Можно Фатимѣ повидаться съ вами?—она убѣдительно проситъ объ этомъ, и если позволите...

— Фатима! повидаться?—смущаясь и сильно краснѣя, повторила я,—а гдѣ же она сейчасъ?

— Да здѣсь, у насъ въ пріемной: когда вы пришли, то она надѣла яшмакъ, чтобы не разстроить васъ своимъ видомъ.—И, не давая мнѣ времени опомниться, громко крикнула:

— Ханумъ и Мариса, пожалуйста сюда!

Вошла Фатима, блѣдная и взволнованная, а вслѣдъ за нею красивая, полная брюнетка, дочь отуреченнаго босняка Беровича, сохранившаго за собой только славянскую фамилію. Дѣвушка эта часто посѣщала гаремъ Кіамиль-паши, прекрасно знала турецкій языкъ и очень недурно говорила по-французски.

— Вотъ она будетъ служить вамъ переводчицей, а я отказываюсь, такъ какъ замѣчаю, что вы не особенно мнѣ довѣряете.— Съ этими словами Элиме ушла и захлопнула дверь.

Затаивъ дыханіе, я ждала, что скажетъ женщина, имѣвшая всѣ законныя права на сердце, принадлежавшее мнѣ одной.

Мариса стала переводить, хотя къ сказанному времени я и сама могла понимать многое изъ разговорной турецкой рѣчи; но все-таки боснячка была не лишней между нами.

— Ханумъ жалуется,—такъ начала она,—что мужъ ненавидитъ ее и жестоко бьетъ съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали посѣщать гаремъ, и проситъ васъ смягчить его злобу.

— Неправда!—съ негодованіемъ возразила я,—и до моего пріѣзда сюда онъ точно такъ же съ ней обращался, какъ и теперь... Да, наконецъ, она прекрасно знаетъ, что мы даже не встрѣчаемся, и я ей больше не помѣха.

Выслушавъ это, Фатима насмѣшливо улыбнулась и сказала Марисѣ:

— Франка думаетъ обморочить насъ и все вретъ: напомни ей нашу прибаутку, что послѣ ссоры голубки цѣлуются еще слаще и воркуютъ веселѣй.

— Очень рада,—былъ мой отвѣтъ,—слѣдовательно, и у нея съ мужемъ дѣло пойдетъ на ладъ—Иншалла!

— Ахъ, не хитри, пожалуйста: сама знаешь, что такъ не будетъ!—возразила она, вспыхнувъ отъ обиды и обращаясь непосредственно ко мнѣ на „ты“ по особенностямъ восточныхъ языковъ, не признающихъ нашего „вы“ въ единственномъ числѣ:—насмотрѣлась я достаточно на вашу любовь—ты ему милѣе солнца! Ну, и бери

себѣ на шею этого дьявола, если тебѣ не жаль своей молодой жизни. Плохая доля быть его женой—вспомнишь не разъ бѣдную Фатиму...

Ея слова жгли меня, и такъ хотѣлось вѣрить, что не онъ, а именно она разрушила свой семейный очагъ. Въ моей душѣ царилъ другой образъ, нѣжный и ласковый: я чувствовала неотразимую силу его обаянія, и страсть къ нему разгоралась еще сильнѣй.

— Аллахъ накажетъ его,—продолжала Фатима нараспѣвъ по обыкновению турчанокъ, когда онѣ говорятъ о чувствительныхъ предметахъ,—онъ нахвтался за границей шарлатанскихъ наукъ и не исполняетъ священныхъ уставовъ Корана: пророкъ не велитъ обижать жему. Развѣ я виновата, что ему не разрѣшаютъ разойтись со мной и жениться на христіанкѣ—на то родительская воля, а не моя...

— Мариса!—позвала я переводчицу,—разъясните же мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло: она жалуется на характеръ мужа; но я то вдѣсь при чемъ?

Боснячка пошептала съ Фатимой и отвѣтила за нее:

— Ханумъ проситъ васъ помириться съ беемъ, такъ какъ онъ не знаетъ покоя своей душѣ: она беретъ все устроить и будетъ очень рада. Ей, бѣдной, и жизни нѣтъ отъ его наложницъ, а прежде онѣ боялись вашего вліянія и не позволяли себѣ лишняго.

Я вскочила, какъ ужаленная змѣей въ самое сердце, не вѣря своимъ ушамъ:

— Что она сказала? наложницы? у него есть наложницы, а я ничего не знала—какой ужасъ!.. И меня всю охватилъ бурный порывъ отчаянія, какъ будто надъ моей душой пролетѣлъ вихрь урагана и опустошилъ ее мгновенно. „Только не это!“—стучало въ мозгу и скользило по уголкамъ омраченнаго сознанія—дѣлать его любовь съ другими женщинами,—нѣтъ! лучше умереть...

— Странно, что вы не имѣете понятія о такихъ простѣйшихъ вещахъ,—доносился голосъ Марисы точно изъ другого міра,—у какого турка ихъ нѣтъ, и что тутъ особеннаго? Кіамиль-паша уже старикъ, да и то завелъ себѣ двухъ невольницъ, а женѣ его всего только 15 лѣтъ—тѣмъ болѣе это необходимо совсѣмъ еще молодому человѣку...

Жестокая логика отуреченной христіанки и ея доводы въ пользу полигаміи казались мнѣ прямо отвратительными; но я молчала, подавленная уныніемъ и слабостью наступившей реакціи послѣ только что пережитыхъ волненій жгучаго страданія. Воля, мысли и чувства смѣшивались, теряя свою опредѣленность точно въ туманной сонливости первыхъ минутъ пробужденія.

— У него даже было двое дѣтей; но они умерли, не знаю какъ

по-вашему, отъ какой-то страшной, огненной болѣзни,—ошеломилъ меня вновь безстрастный и монотонный голосъ Марисы.

— Еще того лучше!—болѣзненно затрепетало въ сердцѣ и холодкомъ пробѣжало въ головѣ,—ахъ, если бы уйти, куда глаза глядятъ, все забыть и ничего не знать!.. тоскливо ныло и стонало во всемъ моемъ существѣ.

— Не горюй хорошая, добрая дѣвушка,—услышала я надъ собою дрожащій голосъ Фатимы,—никто, какъ Аллахъ въ нашей женской долѣ.... И тебѣ будетъ то же, что и мнѣ,—стараясь утѣшить меня, говорила она и залилась слезами.

Наконецъ вернулись обѣ хозяйки и въ нѣмомъ изумленіи остановились на порогѣ: онѣ, вѣроятно, ожидали совсѣмъ не того результата отъ устроеннаго ими свиданія, а вдругъ увидѣли печальныя лица и слезы—эффектъ получился самый нежелательный!....

Мариса тотчасъ все разъяснила недоумѣвающимъ дамамъ, и тогда между ними начался чрезвычайно оживленный обмѣнъ мнѣній, догадокъ и предположеній. По отдѣльнымъ возгласамъ можно было понять, что создавались новые планы и фантастическіе проекты; но я оставалась равнодушна къ столь нѣжнымъ заботамъ о моей судьбѣ, зная прекрасно настоящую имъ цѣну, такъ какъ меня поглощала другая мысль и волновали другія чувства.

— Какъ могло случиться,—являлся самъ собою вопросъ,—что я сама, такъ часто посѣщая его домъ, ровно ничего не замѣчала? А онъ, мой кумиръ и божество—не коварство ли это? вотъ и сказался азіать подъ европейской оболочкой.... И въ моей памяти прозвучали незабвенныя слова: „мы пришли къ дверямъ рая съ разныхъ полюсовъ земли“. Да, онъ былъ правъ, и съ этимъ нельзя не согласиться; но что касается „рая“, то... нѣтъ, нѣтъ! лучше сойти въ „нашъ адъ“, чѣмъ подняться въ сады Магомета, гдѣ любовь и сердце мужчины принадлежатъ многимъ женщинамъ сразу! Такъ размышляла я, погружаясь въ тяжелую тоску отъ сознанія, что мои грезы исчезли и разсѣялись, какъ сонъ, а затѣмъ наступило ужасное пробужденіе.

Конференціи турчанокъ, видимо, не предвидѣлось конца: голоса ихъ рѣзкіе и крикливые наполняли комнату раздражающимъ шумомъ, а мнѣ такъ хотѣлось тишины и забвенія: физическая усталость и чрезмѣрное напряженіе душевныхъ силъ уже предъявляли свои законныя права на отдыхъ. Я стала собираться домой и обратилась къ Элиме съ просьбой дать мнѣ провожатаго изъ казармы.

— Сдѣлайте одолженіе, берите хоть весь карауль,—пошутила она; но тотчасъ же спохватилась и въ серьезномъ тонѣ добавила:

— Не лучше ли вамъ переночевать у насъ: почъ слишкомъ

темна, и луны не будетъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не пришли къ соглашенію по самому главному предмету, а надо же остановиться хоть на чемъ-нибудь.... Да и Фатимѣ также хотѣлось бы о многомъ поговорить съ вами: она предлагаетъ устроить ваше свиданіе съ беемъ такъ ловко, что никто не догадается..... Бисмиллилахъ ¹⁾!....

Но во мнѣ проснулась гордость оскорбленной женщины и отвращеніе къ этому хитрому, изворотливому созданію, готовому на всякое предательство ради какой-нибудь, на примѣръ, ювелирной вещицы. Кому удавалось, подобно пишущей эти строки, такъ долго вращаться въ турецкомъ обществѣ и близко наблюдать его характеръ и нравы, тотъ можетъ засвидѣтельствовать привильность слѣдующаго вывода. Насколько мужчины честны до фанатизма, чужды лести и обмана, прямодушны и благородны въ сношеніяхъ съ людьми, настолько женщины ихъ лживы, мстительны, лукавы, продажны и способны къ самому гнусному коварству. Таковыми свойствами ума и сердца наградила ихъ не природа—мать, а жизнь и воспитаніе по завѣтамъ неподвижнаго Ислама, отрицающаго въ нихъ душу.

— Нѣтъ, Элиме!—говорила я, глотая слезы,—благодарю васъ за вниманіе; но съ меня довольно—оставимъ это.... На-дняхъ мы уѣзжаемъ въ Смирну и вернемся не скоро, а что будетъ дальше, о томъ вѣдаетъ Аллахъ—прощайте!

— Не пожалѣете?—злорадно усмѣхаясь и пытливо заглядывая мнѣ въ глаза, спросила турчанка,—что съ вами такое? все идетъ какъ нельзя лучше, а вы губы надули?

— Прощайте, дорогая Элиме! Желаю вамъ счастья, очень богатаго жениха и цѣлую гору подарковъ. Иншалла!—былъ мой насмѣшливый отвѣтъ. Но въ ту минуту, когда я собралась покинуть гаремъ, обѣщая себѣ никогда въ него не возвращаться и не прибѣгать къ его опасному содѣйствію, меня вдругъ охватило точно пожаромъ, помимо участія воли и разсудка, непреодолимое чувство жестокаго, мучительнаго любопытства и горячаго нетерпѣнія узнать до мельчайшихъ подробностей рѣшительно все, что касалось земныхъ гурій моего бывшаго жениха: сколько ихъ было у него, какъ звали, которую изъ нихъ онъ больше любилъ и т. д. Я вся трепетала отъ болѣзненнаго порыва и безумнаго стремленія убѣдиться во что бы то ни стало въ крушеніи своихъ надеждъ и счастья.

Убѣдиться? въ чемъ? не все ли было ясно? Но у меня не хватило силы противиться искушенію, и я обратилась къ присутствующимъ съ этими вопросами.

— Аллахъ мой!—удивленно воскликнула Элиме,—нашли чѣмъ

¹⁾ Во славу Творца Всеблагого!

интересоваться? вы сами столько разъ видѣли ихъ въ гаремѣ Фатимы, а спрашиваете—положительно съ вами дѣлается что-то не ладное?....

— Видѣла ихъ?..... повторила я, какъ эхо,—нѣтъ, вы ошибаетесь: при мнѣ кромѣ хозяйки и двухъ служанокъ.....

— Ну, вотъ! именно о нихъ-то и рѣчь!—Съ хохотомъ перебили дамы,—по-вашему „служанки“, а по-нашему „наложницы“ или рабыни, что одно и то же: развѣ забыли?

Не знаю почему, но мнѣ показалось, что свѣжее дыханіе жизни стало вновь проникать въ мою душу: я возстановила въ памяти слишкомъ ужъ невзрачныя фигуры обѣихъ сестеръ-армянокъ, купленныхъ беемъ, какъ онъ самъ объяснялъ мнѣ, специально для черной работы въ домѣ, и облегченно вздохнула, точно непосильная ноша свалилась съ плечъ. Такъ продолжалось нѣсколько мгновений, а затѣмъ новое, ядовитое сомнѣніе закралось въ сердце.

— Правда,—размышляла я,—онъ клялся мнѣ устроить наше будущее супружество по европейскимъ идеаламъ и формамъ; но хватить ли у него настолькоъ рѣшимости, чтобы навсегда уйти отъ родныхъ завѣтовъ Ислама? Надо удивляться еще и тому, что мой обликъ сѣверянки понравился азіату. Ну, а дальше? Онъ натѣшится мною, капризъ пройдетъ, и тогда, конечно, на вѣсахъ его любви окажется перевѣсъ въ сторону этихъ жирныхъ, упитанныхъ съ хищными крючковатыми носами женщинъ, какъ болѣе отвѣчавшимъ требованіямъ Востока. Но что же теперь дѣлать? гдѣ искать выхода изъ зачарованнаго круга?.... и на меня повѣяло холодомъ.

— Нѣтъ, дорогая Элиме—такъ нельзя!—говорила я, прощаясь съ нею,—убѣдительно прошу васъ, не настанвайте: мое положеніе слишкомъ зависимо отъ множества очень сложныхъ причинъ и обстоятельствъ, что хорошо вамъ извѣстно—дайте мнѣ опомниться и сообразить. Мы еще повидаемся, но не ранѣе, какъ по возвращеніи изъ Смирны, а тамъ видно будетъ..... Машалла!

— Весьма сожалѣю,—получила я въ отвѣтъ,—что вы, какъ малый ребенокъ, ровно ничего не понимаете: было бы лучше не ѣздить въ Смирну, такъ какъ это не понравится Тафти-бею—ну, и пеняйте же тогда на себя! Что же касается меня, то я всегда къ вашимъ услугамъ—Машаллахъ! да охранить васъ Его святая тѣнь!...

Я сошла внизъ и, сопровождаемая Ибрагимомъ, вернулась домой.

Г л а в а V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ только что разсказаннаго я стояла на верхней рубкѣ нашего русскаго парохода „Олеги“, уносящаго меня отъ береговъ острова къ материку.

Дискъ солнца погружался за горныя вершины Тавра, разсыпая по краямъ горизонта красныя лучи и фіолетовыя дымки. Наступила январская ночь теплая, нѣжная, точно у насъ въ іюнѣ, и такъ не хотѣлось уходить въ духоту каютъ. Призраки любви, еще хранившіеся въ глубинѣ сердца, поднимались и, тихо плавая, носились въ воздухѣ; но съ каждымъ поворотомъ винта они тускнѣли, удаляясь, и мнѣ стало казаться, что плотная занавѣсъ все ниже и ниже опускалась за весною моею жизни и розами юности....

Море со страстнымъ шепотомъ что-то пѣло и фосфорилось у кормы парохода, рѣзавшаго его сонныя волны; легкій вѣтерокъ заката пересталъ рѣзвиться по реямъ мачтъ и также заснулъ—все погружалось въ покой и укрывалось черными тѣнями. Въ заоблачномъ мірѣ вспыхнули яркіе огоньки. Какъ великолѣпны звѣзды на южныхъ небесахъ! у насъ онѣ дрожатъ и мерцаютъ, а тамъ горятъ брилліантами въ оправѣ темно-синей лазури.

Но вотъ „царица ночи“ взошла на тронъ, и мракъ утонулъ въ ея роскошномъ сіяніи. Какъ-то сразу померкли сверкающіе узоры созвѣздій, короче стали ихъ лучи, и воздухъ наполнился серебрянымъ блескомъ красавицы-луны. Мы, сѣверяне, привыкли любить ея мистическій ликъ, блѣдный и плоскій, какъ блинъ; но надъ водами Архипелага плаваетъ большой, розовый и по виду настоящій шаръ, заливающій атмосферу потоками ослѣпительной игры свѣта.

Долго еще тянулся силуэтъ Хиоса и трепеталъ на скалѣ огонь его маяка, указывая правильный путь къ западному берегу Анатолиі.

На разсвѣтѣ 16 января нашъ „Олеги“, осторожно лавируя въ тѣсной и узкой гавани Смирнскаго залива, бросилъ якорь между двумя военными эскадрами: итальянской и французской.

Съ первымъ лучемъ солнца, когда разсѣялись лиловыя тѣни утренней зари, арабскій каякъ, легкій, какъ ласточка, перевезъ насъ къ пристани, и мы сошли на берегъ.

Восточныя народы привыкли вставать очень рано, и Смирна уже давно пробудилась къ лихорадочной и кипучей дѣятельности громаднаго приморскаго порта, на рейдѣ котораго стояло безчисленное множество судовъ подъ флагами всѣхъ государствъ міра.

По набережной, облицованной гранитомъ, тянулись караваны

верблюдовъ и вереницы ословъ, нагруженныхъ товарами. Густая толпа пѣшеходовъ живымъ потокомъ неслась со всѣхъ сторонъ. Разнообразіе типовъ удивительное, пестрота въ одеждахъ бросается въ глаза. Слышна рѣчь на всѣхъ языкахъ; но преобладаетъ все-таки „галика“, этотъ излюбленный жаргонъ обитателей странъ полу-мѣсяца.

Если Константинополь справедливо называютъ „базаромъ Востока“, то Смирну удачно можно сравнить съ „вѣчной ярмаркой Азіи“. И дѣйствительно: здѣсь, также какъ и на берегахъ Босфора, собрались со всѣхъ концовъ земного шара чуждые оттоманской націи племена и овладѣли краемъ. Сюда влечетъ предприимчивыхъ людей жажда обогащенія, роскошь природы и удобства морскихъ путей сообщенія съ міровыми рынками.

Турки, вообще, не коммерсанты, а потому вся торговля находится по преимуществу въ рукахъ армянъ, грековъ и евреевъ.

Культъ наживы и барыша не соотвѣтствуетъ природнымъ свойствамъ гордой, воинственной расы, а наша мораль: „не обманешь, не продашь“ плохо гармонируетъ съ ея душевными качествами—отсюда ясно, почему турецкій народъ такъ бѣденъ и такъ глубоко порабощенъ въ своемъ собственномъ государствѣ.

На Малоазіатскомъ Востокѣ не имѣютъ понятія о колесной ѣздѣ — ее замѣняютъ лошади, мулы, ослы и даже верблюды. Мы усѣлись верхами и свернули въ лабиринтъ города. Улицы въ Смирнѣ дотого узки, что изъ окна въ окно противоположныхъ зданій можно совершать рукопожатія надъ головами прохожихъ. Во многихъ мѣстахъ нависшіе съ обѣихъ сторонъ такъ называемые „фонарики“ сходятся вмѣстѣ и такимъ образомъ получается крытая галерея. Народы, живущіе въ слишкомъ знойномъ климатѣ, придерживаются именно этого стиля, вызываемаго необходимостью прятаться отъ огненного воздуха въ тѣнь и прохладу. Навстрѣчу намъ попадались кавалькады левантинскихъ дамъ, возвращавшихся съ базара. Слуги и погонщики вели лошадей подъ уздцы, расчищая дорогу и кричали „уарда“, что значитъ „берегись!“

Ничто не казалось комичнѣе, какъ внезапное появленіе этого оригинальнаго эскадрона амазонокъ въ тѣсныхъ, подобно щелямъ, проулочкамъ, которыми такъ богаты окраины Смирны: тогда встрѣчные прохожіе обращались въ постыдное бѣгство, показывая неприятелю тылъ, или же прятались въ лавки и цирульни, если таковыя имѣлись по дорогѣ, при громкомъ хохотѣ обывателей, смотрѣвшихъ изъ оконъ.

Вездѣ еще до восхода солнца, даже въ самой шикарной части города, магазины уже открыты, и европейская цивилизація смо-

тритъ на улицы сквозь цѣльныя, зеркальныя стекла, а рядомъ, тутъ же ютятся въ темныхъ нишахъ лавченки въ азіатскомъ стилѣ, и на одномъ крюкѣ у входа качается, на примѣръ, баранья нога и шелковый халатъ, или же въ складкахъ расшитаго золотомъ турецкаго генеральскаго мундира прячется связка чесноку, а боченокъ съ нашей красной тараньей икрой—любимое лакомство на Востокѣ и вывозимое изъ Одессы въ огромномъ количествѣ — прикрытъ отъ мухъ великолѣпнымъ ковромъ, и все необходимое для обихода мусульманина перемѣшано и свалено въ одну кучу.

Кофейни и ресторанички полны народомъ; на вольномъ воздухѣ за столиками ѣдятъ, пьютъ кофе и курятъ наргиле. Здѣсь же цирюльникъ, онъ же и дантистъ, бреетъ голову правовѣрному или же хозяйничаетъ во рту у него и рветъ вмѣстѣ съ зубомъ куски челюстей. Но это нисколько не шокируетъ публику, а напротивъ доставляетъ ей пріятное развлеченіе.

Хамалы несутъ тяжести не подъ силу иной лошади, и надо только удивляться, какъ они остаются живы послѣ того? Между пѣшеходами и всадниками снуютъ разносчики холодной воды въ глиняныхъ кувшинахъ и кричатъ дикими голосами, заглушая рѣзкіе вопли перегруженныхъ ословъ. Шумъ и толчея ужасные, и по мѣрѣ того, какъ разгорается день, движеніе народныхъ массъ также растетъ и ширится. Послѣ Хиосскаго затишья, куда не доносилось эхо бьющей ключомъ яркой жизни материка, все интересовало меня, сливаясь въ одно красивое впечатлѣніе.

Но уличная картина Смирны не будетъ зарисована, если я не упомяну о турчанкахъ, силуэты которыхъ, скользящія на фонѣ разноплеменной толпы, останавливаютъ на себѣ исключительное вниманіе иностранцевъ, посѣщающихъ Востокъ.

Дамы гаремовъ свободно ходятъ по городу однѣ безъ мужей и, повидимому, безъ всякаго надзора; но это лишь обманчивое впечатлѣніе: за ними слѣдитъ каждый мусульманинъ, и гяуръ можетъ жестоко поплатиться, если позволить себѣ затронуть на улицѣ турецкую женщину.

Мы поселились на весь сезонъ у родственниковъ моей тетушки въ большомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ прелестнымъ садомъ, въ которомъ тропическая флора перемѣшивалась съ величественными платанами, кедрами и фруктовыми деревьями. Цвѣли камеліи и фіалки. Было слишкомъ жарко для января даже въ этихъ широтахъ: знойная Аравія дышала черезъ Тавръ на Смирну, нагрѣвая воздухъ до лѣтней температуры. Море глухо стонало, предвѣщая бури и штормы; тучи песковъ носились надъ городомъ, заслоня багровый шаръ солнца; но веселый карнавалъ, наперекоръ

стихіямъ, разгорался съ каждымъ днемъ ярче и ярче, наполняя улицы причудами неистощимой фантазіи южанъ, и время проходило, у насъ, какъ въ очарованномъ снѣ. Сливки „общества“ — la société въ тѣсномъ смыслѣ такого понятія составляли только левантинцы, принадлежавшіе къ западнымъ расамъ; греки и армяне держались въ сторонѣ отъ европейскихъ кружковъ, а турки со своими гаремами, и говорить нечего, были еще дальше отъ круговорота общественной жизни гяуровъ, за исключеніемъ, конечно, савонныхъ лицъ, появлявшихся на оффиціальныхъ раутахъ въ силу необходимости и по дипломатическимъ соображеніямъ.

Намъ прислали такое множество приглашеній на всѣ затѣи неугомоннаго карнавала, что трудно было разобратъся. Въ программѣ значилось: костюмированные балы въ клубахъ, танцевальные вечера у мѣстныхъ богачей, matinées dansantes на палубахъ броненосныхъ эскадръ, стоявшихъ на рейдѣ; пикники въ горы верхами на арабскихъ коняхъ; процессіи масокъ по улицамъ; баталія цвѣтовъ и, наконецъ, экскурсія съ караваномъ верблюдовъ къ раскопкамъ храма Діаны въ Ефесѣ.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

